

СЕКЦИЯ 2 СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

ПОЛЬСКИЕ УЧЕНЫЕ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ НАУКИ И РЕЛИГИИ

М. А. Рогинская
Краков, Польша

Темой последующего обсуждения станут результаты глубинных интервью с польскими физиками и биологами на тему отношений науки и религии. Обе эти сферы, по мысли Альфреда Шюца, кардинально разнятся от повседневности. Погружение человека в научное или религиозное созерцание описывается Шюцем как «скачок» из повседневной жизни. Аналогично переключение между наукой и религией связано с «шоком», возникающим при перенесении чувства реальности из одного мира в другой. Последовательным, когнитивно замкнутым мирам науки и религии в концепции Шюца не отведено пространства соприкосновения.

Тезис об отсутствии такого пространства приобрел в последнее время популярность. Оставляя неразрешимыми множество теоретических вопросов, он позволяет избежать использования нарратива о конфликте между религией и наукой, на который, видимо, нет сегодня социального запроса. В то же время, эмпирическое рассмотрение проблемы показывает, что обе сферы не только соприкасаются, но и влияют друг на друга. Одним из свидетельств этого можно считать более низкую религиозность ученого сообщества по сравнению с генеральной популяцией, которую вот уже более ста лет фиксируют западные исследователи. Так, по данным Джеймса Лейбы 58 % обычных и 70 % выдающихся представителей естественных наук США в 1914 г. не верили в Бога. Занимавшийся той же темой в 60-е гг. прошлого века Родни Старк писал, что если влияние научного сообщества на социум увеличится, то либо ослабнет религиозность американцев, либо изменится сама религия. Эдвард Ларсон и Ларри Уитен, повторившие вопросы Лейбы с приближенными результатами в 1997 г. и 1998 г., констатировали, что «среди ведущих представителей естественных наук неверие (...) почти повсеместно». Последнее обширное исследование Элен Эклунд подтверждает

этот вывод: 64 % в ее выборке оказались атеистами и агностиками на фоне 3 % атеистов и 5 % агностиков в генеральной популяции. В Польше, где уровень религиозности населения в последние 20 лет сохраняется в пределах 96–97 %, этот показатель гораздо ниже, однако ученые менее религиозны и здесь (от 56 % до 73 %).

Значит ли это, что именно интегрированность в науку – как социальный институт, область знания, особую картину мира или способ мышления – ведет к ослабеванию веры? Позитивный ответ на этот вопрос прочитывается нередко как подтверждение эпистемологического конфликта науки и религии, а также секуляризирующего влияния науки на западное общество в целом. Были и попытки обойти конфликтную парадигму. Так, по мнению Роберта Вутноу, использующего идеи Шютца, неверие ученых может быть связано с потребностью усиления реальности мира науки, если таковая воспринимается ими как слабая. Вутноу считает, что ученые усиливают реальность науки, постулируя свою нерелигиозную идентичность и тем самым устанавливая символическую границу, которая отделяет их от остального, более религиозного и воплощающего повседневность, социума. Несмотря на некоторые интересные теоретические предложения, в целом очевидно, что количественная социология не имеет ясного понимания полученных данных и нуждается в качественном подходе, раскрывающем их мировоззренческое содержание. Единственной серьезной попыткой такого рода является анализ Элен Эклунд, который, в частности, показывает, что мнения ученых о взаимоотношениях науки и религии связаны с пониманием природы и границ этих областей. Ниже будут коротко представлены основные обобщения нашего исследования, подтверждающие это наблюдение.

В 2013–2014 гг. нами было проведено 50 глубинных интервью с сотрудниками научно-исследовательских институтов Польской Академии Наук и двух крупнейших вузов Польши. В целевую выборку вошло 25 физиков и 25 биологов, среди них 41 профессор, 4 доктора наук без профессорского титула, 2 кандидата и 3 магистра. 28 % респондентов – женщины, 72 % – мужчины. 60 % респондентов декларировало веру в сверхъестественное (в том числе, 50 % указывало на свою связь с католицизмом), 36 %

были неверующими, еще 4 % отказались отвечать на вопрос о вере.

Ниже мы анализируем ответы на вопросы об отношении науки и религии, формулируемые, в основном, в начале интервью. В качестве аналитических рам приняты основные конфликтные и бесконфликтные модели отношения науки и религии, существующие в гуманитарном дискурсе. Конфликтная модель предполагает, что между наукой и религией существует эпистемологическое противоречие, поскольку на одни и те же вопросы они отвечают по-разному. Среди неконфликтных моделей выделим три: а) модель непересекающихся магистериев (наука сосредотачивается на фактах устройства мира, а религия на ценностях, смыслах и целях); б) комплементарную модель, легитимирующую оба способа описания действительности (обе сферы касаются одной действительности, но говорят о ней на разных, взаимодополняющих языках); в) модель синтеза, где предпринимается попытка интеграции религиозных и научных утверждений в единую систему. Поскольку мировоззрение редко бывает логически завершено и носит разомкнутый характер, мы будем говорить лишь о мировоззренческих стратегиях, отсылающих к той или иной модели.

Стратегии непересекающихся магистериев. Уверенность, что наука и религия не пересекаются, выразило 42 % респондентов, равно верующих, как и неверующих. Представляемый ими образ науки и религии неоднороден. Если понятие науки универсально и соответствует критериям научного метода (наука эмпирична, рациональна, основана на интересубъективном методе и подлежащих верификации фактах физического мира), то понятию религии приписываются самые разнообразные, субъективно значимые, атрибуты.

Можно выделить следующие аргументационные стратегии сторонников непересекающихся магистериев:

- Сверхъестественное превосходит человеческое познание, следовательно, непознаваемую сферу сверхъестественного нужно отделить от познаваемой сферы естественного, где утверждается монополия научного метода: «Даже если бы передо мной предстал Христос, меня бы это не убедило – естественнонаучных доказательств этому нет» (верующий физик).

- Синтез науки и религии радикально невозможен ввиду изменчивости научной картины мира: «Попытки такого соедине-

ния – это подготовка очередных катастроф типа Дарвина. Ведь даже если удастся соединить все в целостную концепцию, наука меняется» (верующий биолог).

- Магистерии не пересекаются, так как у респондента отсутствует субъективная потребность в рефлексии на эту тему. Собственная научная дисциплина видится как не имеющая метафизических импликаций: «Я далек от биологии человека, так что от вопросов человеческой природы, экзотекции я как ученый довольно далек» (верующий биолог).

- Религия отвергается как эпистемологически несостоятельная. При этом атеисты отрицают существование сверхъестественного, а некоторые агностики допускают его вероятность, однако не принимают во внимание ввиду бездоказательности: «Я агностик, но я не уверен в том, что Бога нет, я просто не знаю. Можно ведь не знать, так как можно не знать, существует ли жизнь на Марсе» (неверующий физик).

Комплементарные стратегии. Респонденты, в ответах которых присутствуют элементы комплементарной модели, также декларируют отсутствие конфликта науки и религии, а часто и уверенность в отсутствии сфер их соприкосновения. Комплементарность проявляется там, где уверенность эта ставится под сомнение (например, в вопросах происхождения мира и человека). В большинстве случаев респонденты подчеркивают метафоричность языка Писания, дополняющего, а не отрицающего научное описание, недоступное современникам библейского нарратива: «Представьте, что я оказался четыре тысячи лет назад перед иудеями и рассказываю им, как появилась Вселенная. Что был Большой взрыв, а потом кварк-глюонная материя. Это было бы непонятно, это был бы какой-то лепет» (верующий физик). В то же время, символическое прочтение правд веры открывает широкое пространство для индивидуальной интерпретации, часто далеко выходящее за рамки традиционного католицизма: «Всемогущий Бог не может совершать чудеса! Никакого волшебства мне не надо! Это все сказки!», «[воскресение Христа] – это только образ» (верующий физик, католик).

Стратегии синтеза. Стратегии синтеза применяются верующими респондентами, имеющими потребность в создании непротиворечивого образа мира: «Долгие годы я была согласна с теорией Гульда о двух магистериях, но теперь мне кажется, что нам нужно

искать более непротиворечивое мировоззрение» (верующая биолог). Если сторонник синтеза не ссылается на общие онтологические структуры, то согласование науки и религии происходит фрагментарно, сосредотачиваясь вокруг субъективно трудных вопросов или же мест, где созвучность науки и религии переживается особенно сильно. Используются следующие аргументы:

Человеческое познание ограничено, что здесь является субъективно достаточным подтверждением возможности сверхъестественного. К такому выводу «синтетиков» подталкивает само научное знание: «Мы видим только то, что нам нужно для выживания. Я смотрю на это как дарвинист. Даже если бы тут сидело пятнадцать разных духов, если они на нас не воздействуют, а мы не можем входить с ними в контакт, мы их и не увидим» (верующая биолог).

- Синтез возможен лишь до определенного момента, пока выводы основываются на знании, далее же начинается область веры: «Существования прав физики – это для меня факт, который не может быть обоснован изнутри самого мироздания. Существует нечто, что его превосходит. Трансценденция... Что это за трансценденция? Из физики я больше вывести не могу» (верующий физик).

- Синтез науки и религии возможен при условии, что этой религией не будет католицизм. Это мнение характерно для ученых, имеющих собственные, отличные от традиционных, представления о сверхъестественном. В практике, впрочем, они не исповедуют ни одну из «других религий».

- Синтез возможен при условии расширения научного метода: «Я считаю, что вопрос сверхъестественных явлений, признание их элементом образа мира, мира явлений, – ключевой. И думаю, что прятать голову в песок из-за того, что их нельзя повторить, что нельзя их провести в лаборатории – это плохой подход» (верующий физик).

Стратегии конфликта. Сторонниками конфликта оказалось лишь 20 % респондентов. Для таких ученых объективность знания имеет особое значение. Религиозные истины чаще всего воспринимаются ими наравне с фактами эмпирического мира, относимы к той же действительности, что и научные, к ним применяются аналогичные критерии истины. В этой перспективе религиозный авторитет ставится под сомнение, а сама религия

теряет убедительность: «Наука и религия, если хорошо подумать, будут в конфликте, потому что постановка вопросов, способ получения знания, поиск ответов в науке и вере диаметрально различны» (неверующий биолог). «Вернемся к началу, к нескольким аминокислотам. Акт творения – это что, аминокислоты, которые существуют также вне Земли, Бог в чашке соединил? Это уже примитивно. Это мне не помогало, и это нелогично» (неверующий биолог).

Отложенный ответ. Последнюю небольшую группу респондентов составляют те, кто не готов дать однозначный ответ на вопрос об отношении науки и религии. Их мировоззрение находится в динамичном состоянии – между верой и неверием, убежденностью и незнанием: «Может быть так, а может иначе. Может, я не прав. Я всегда предполагаю несколько возможностей решения, так же как и в науке» (не определившийся биолог).

Хотя анализ интервью дает представление об огромном разнообразии индивидуальных решений вопроса веры, есть основания для некоторых обобщений. Прежде всего, нужно отметить, что большинство (78 %) респондентов отрицает наличие конфликта между наукой и религией. Это свидетельствует о нежелании польских ученых участвовать в мировоззренческих «войнах», но не означает, что столкновение науки и религии отсутствует в их повседневном опыте. Такая конфронтация может протекать на одном или нескольких уровнях: логическом (попытки согласовать данные науки и религиозные истины), социальном (размышления об институциональных отношениях двух сфер) и практическом («повседневный» опыт их совмещения).

Анализ интервью помог лучше понять механизмы демаркации науки и религии в польском естественнонаучном сообществе. Респонденты имеют ясное представление о границах научного метода и компетенции науки. С одной стороны, ими были интернализованы нормы научного метода, который является для них легитимным источником знания о мире и человеке. С другой же, они подчеркнуто ответственно относятся к границам объективного знания, осознавая, где кончается знание и начинается вера. Ученым свойственно ощущение ограниченности научного знания и человеческого познания как такового, но из этого тезиса они делают различные выводы. Для одних слабость позна-

ния свидетельствует о потенциальной возможности сверхъестественного. Других склоняет к отказу от рационализации веры и принятию ее усилием воли. Третьи же делают вывод о невозможности религии, оперирующей недоказуемыми утверждениями. Причин этих различий следует искать в биографическом и социальном факторе, но представляется, что немаловажно тут и понимание самой религии.

В то время как рамки науки четко определены, религия является пространством менее регламентированным, инклюзивным, дающим большую свободу интерпретационного маневра. Даже если респонденты ощущают себя последовательными католиками, они, как правило, допускают символическую трактовку Священного Писания, а иногда и католических догматов. В других случаях традиционная религия отвергается в пользу неопределенной «другой религии», поиски которой, впрочем, не предпринимаются. Ее назначением, видимо, также является расширение индивидуального интерпретационного поля.

Можно предположить, что позицию сторонников конфликтной парадигмы определяет именно отказ рассматривать религию как смысловое поле с «мягкими» границами. А также: приверженность научным критериям объективного знания, которые такие респонденты склонны применять и к религиозным истинам, постановка вопроса о сверхъестественном исключительно в эпистемологической плоскости. Это наблюдение отчасти созвучно с выводами Марии Либишовской-Жултковской, исследовавшей в 1998 г. религиозность польских профессоров. 71,6 % ее респондентов декларировало себя верующими, при этом 54 % неверующих профессоров среди причин своего неверия назвало «научную интерпретацию действительности». По мнению социолога, основной тип верующего профессора – человек, для которого определяющей является вера, наполняющая жизнь смыслом и поддерживающая в трудные минуты. Что касается нерелигиозного типа ученого, то для него неверие – прежде всего, интеллектуальный выбор. Эта группа выше всего ценит убедительность образа мира, а убедительность религии ставит под сомнение. Наше исследование показало верность этого вывода, с той только оговоркой, что для наших верующих респондентов интеллектуальная убедительность образа мира была также важна, как и для неверующих. Однако, они не применяли к сфере религии крите-

рии научного знания, допуская существование в ней иных эпистемологических принципов. В целом, можно предположить, что чем более эксклюзивное понимание религии демонстрировал ученый, тем сложнее ему было придерживаться бесконфликтной парадигмы отношений науки и религии.

«NEW IDOLS»: СОВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

О. А. Шадура

Санкт-Петербург, Россия

Процессы, происходящие в современном обществе, такие как секуляризация и глобализация, во многом влияют на формирование идентичности современного человека как таковой, и религиозной идентичности в частности. Интерес к религии не угасает, хотя роль и ее влияние в обществе не сравнится с ее позициями в прошлом.

Тем не менее, как говорил Мирча Элиаде, любой человек является не только *homo sapiens*, но и *homo religiosus*, и современному человеку также присуща современная религиозность. Эта религиозность может быть скрытной, неявной, она также может отличаться от традиционной религиозности, обращаться к светским, нерелигиозным объектам.

В попытках обрести свою идентичность, человек встает перед выбором, который в XXI в. не просто не ограничен, а практически бесконечен. Доступ к информации, с одной стороны, облегчил ознакомление с традиционными формами религий, с другой – породил огромное количество феноменов, называемых некоторыми исследователями «квазирелигиозными», «псевдорелигиозными», являющихся «пародией» на религию.

Проблеме религиозной идентичности сейчас уделяется внимание не только в работах западных исследователей, но и в работах российских социологов, психологов и религиоведов, хотя интерес к данному феномену появился совсем не давно и основываются они на теориях, разработанных в западной литературе.

Границы религиозной идентичности раздвигаются и выходят за рамки традиционной религии. Если рассматривать современное российское общество, то согласно последним опросам традиционная религиозность редко предстает в изначальном виде, а дополняется различными религиозными идеями, зачастую